

САТИРА? НЕТ, ФАРС

ПОКЛОННИКИ спектакля Московского театра им. А. С. Пушкина «Доброй ночи, Патриция!» (если, конечно, таковые имеются), защищая его, могли бы сказать, вероятно, следующее. Итальянский драматург Альдо де Бенедетти осмелся дипломатизировать капиталистического мира. Показал, что нет принципиальной разницы между нравственными устоями вершителей международной политики и моралью представителей уголовного мира. Недаром профессиональный вор, герой спектакля, познакомившись со всеми подлостями, на которые идут господа, борющиеся за захват африканской нефти, «с гордым негодованием» (как гласит ремарка автора) заявляет, что для него, всегда воровавшего «честно, без интриг и обмана», они отвратительны.

В этом противопоставлении и нужно, как, видимо, предполагают защитники спектакля, искать основную идею итальянского комедиографа, «свежими очами» увидевшего, что собой представляет верхушка современного буржуазного общества.

Увы, попытки защитить «Доброй ночи, Патриция!» нетрудно отбить.

Ведь «современность» происходящего в этом спектакле мнимая. Уберите слова: «нефть», «Пентагон», «чанкайшист», и вы с успехом сможете перенести действие на пятьдесят лет назад.

Муж, жена, любовник — к этому триумvirату буржуазной адюльтерной комедии автор «Доброй ночи, Патриция!» присоединил еще четвертого компаньона. Это вор, который спрятался в спальне министерской жены, принимающей здесь своего любовника-генерала и вдруг возмечтавшей бросить и мужа, и любовника, чтобы бежать вместе с вором из «скучной», «надоевшей» ей салонной жизни.

Но ведь подобное противопоставление жулика «порядочным» буржуа характерно для самой непритязательной мешанской драматургии Запада начала века. Как часто жулик делал здесь блестящую карьеру, причем совершал свой триумфальный путь в светском обществе обязательно при содействии обольстительных женщин...

Что же нового, современного, разоблачающего в пьесе «Доброй ночи, Патриция!»? Ничего! Пьеса прежде

всего рассчитана на смакование пикантных альковных ситуаций и на демонстрацию «роскошных» туалетов. А нефть в неких африканских княжествах и чанкайшист во фраке — это не более, чем легкая дань «современности», маскировка старой-престарой фарсовой комбинации.

Так почему же столичный театр остановил свой выбор именно на этой пьесе? Быть может, он надеялся раскрыть в комедии Альдо де Бенедетти то сатирическое «зерно», которое столь глубоко спрятано, что нам, например, так и не удалось его обнаружить? Возможно! Но благие намерения, как известно, заслуживают признания лишь в меру своего осуществления.

Режиссер Н. Петров и художник Е. Коваленко придумали смелое и своеобразное изобразительное решение спектакля: условная трактовка интерьера отеля, где происходит дипломатическая конференция, фотографический задник, показывающий величественный европейский город, куда съехались дипломаты. Здесь легко угадать мысль: искусственная, иллюзорная, грязная суэта политиканов внутри отеля, за пределами

которого идет простая и ясная жизнь простых людей.

Есть в спектакле ряд сцен, поставленных изобретательно, выразительно. Исполнители некоторых ролей пытаются острыми штрихами создать живые характеристики действующих лиц: Г. Яниковский — представителя империалистической военщины, В. Торстенсен — инспектора полиции, Л. Геника — воровки, ставшей женой фабриканта.

Но И. Колин не в силах сообщить яркость бесцветному образу министра. Ю. Стромов для чего-то наделяет вора Альберто чертами «увлекательного» стиляги. Сама же Патриция в исполнении М. Кузнецовой выглядит рассудительной, тяжелойвесной, ведет себя крайне нарочито.

Так почему же все-таки именно эту пьесу выбрал Московский театр имени Пушкина из немалого количества современных пьес западных авторов? Почему вообще наши театры, столь требовательные к пьесам советских драматургов, часто так неразборчивы при оценке идейно-художественных качеств произведений иностранных авторов?

Не потому ли, что театры знакомятся с новинками зарубежной литературы лишь от случая к случаю, главным образом по рекомендации отдельных переводчиков? Не потому ли, что в последнее время от этого важного дела самоустранились и комиссия иностранной литературы Союза писателей, и отдел театров Министерства культуры СССР?

Нет у нас единого центра, где театры могли бы получать авторитетную консультацию...

М. БЕРТЕНСОН.

Соборинский
27.11.59